

Андрей Пейота

**БАБУШКИ — НЕ ТО,
ЧЕМ ОНИ КАЖУТСЯ**

Андрей Пейота

Бабушки – не то, чем они кажутся

«Издательские решения»

Пейота А.

Бабушки – не то, чем они кажутся / А. Пейота — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966820-2

Перед вами цикл рассказов, главными героинями которых являются старушки. Те самые, что спуют среди нас, и ничем не выделяются... но это только на первый взгляд. У каждого свои тайные делишки и скелеты по шкафам, а под конец жизни их и складировать некуда... от сатанизма до вампиризма, от домовых до советских оборотней... все в их шкафах... а ты все еще делаешь вид, что спишь в транспорте...

ISBN 978-5-44-966820-2

© Пейота А.

© Издательские решения

Содержание

Сынок, не томи тётю Розу...	6
Уступайте места беременным женщинам, пожилым людям, и пассажирам с детьми	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Бабушки – не то, чем они кажутся

Андрей Пейота

Редактор Анастасия Александровна Сулова

Автор обложки Анастасия Александровна Сулова

© Андрей Пейота, 2019

ISBN 978-5-4496-6820-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась. Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась. ... Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.»

Д. Хармс

Сынок, не томи тётю Розу...

СевКабель. Вход. Направо. Цех. Хипстеры кофе пьют, бабушкин скарб продают, новый дизайнерский шмот и винил. В общем и целом – уют. Вполне. Теплая атмосфера в прохладном ангаре, раф банановый с примесью шоколада и масляной гари, у парочки сладких мальчиков в красных штанишках, с парными татуировками бабочек. Тяг пьют винишко. Отклячились и закрывали губки у барышень, одетых в Van's и Ray Ban. Ди-джей ведет себя, как местный бог и фронт-мен. Долбит на 104-ых и 808-ых, ему весело и лохмато, просто писец. Но не прет местных сударей, да и барышень, вроде. Дело тут в смене эпохи и новой моде.

Настал век мета-модерна. «Это слишком жестокая музыка, *#мы хотим чувств*. Мы – новые и не такие, как все. Да-да-да, вот мы все не такие, как все... особенно я». Последнее местоимение необходимо произносить с московской протяжностью и гнусавостью, чтобы городдохлых поэтов, и все его приезжие колхозники, захлебнулись твоей важностью, особой эстетикой и чувством стиля. Если из общего гула в цехе убрать слова, подчерпнутые из Википедии и модных пабликов про популярных писателей и выдающихся художников, останется лишь это гнусавое протяжное «я-я-я». Три сотни человек якают в помещении с овальной крышей, пока их латте и карамельные рафы скапливаются в десятках уголков ртов. (Причинным местом тебе по губам, а не латте!). Оценочное суждение, явно, но отвратительное столпотворение яков. Через одного в бабушкиных пальто и подкатанных брючках, ищущие только повода, выжидающие секунду тишины в диалоге, лишь бы рассказать про свою важность и значимость. И ладно бы образованы были, знали чужих языков штук по семь, и столбовые дворяне по батюшке восемь веков подряд, или, на худой конец пэрство в Англиях. А ты приехал на метро в рваных джинсиках старшей сестры. Что можешь ты мне рассказать про культуру и чувство эпохи? Пока ты несешь эту дичь, через каждые два-три слова мычишь, ища в вокабуляре слова, значения которых не знаешь, но знаешь что они стильные, я постепенно старею. Тем временем «солнце» и «луна», сейчас бы их звали Алехандро и Алехандро, потихоньку вырабатывают подземное электричество от доносящихся с Versus'a глагольных рифм. К сожалению, так и живем.

- Чувак, пойдем покажу тебе кое-что! Тебе понравится.
- Может не надо?
- А может, ты заткнешься, и просто пойдешь со мной?

Комната заперта изнутри, но бас пропускает легко. Два стука, и двери открылись, за дверью бугай.

- Хай.
- Ага, хай. Вы к кому? Вам назначено?

Мой провожатый отталкивает бугая локтем, куда-то вправо.

– К Герингу мы, отдыхай, боец. Всё О. К. Это со мной – и кивает, с важностью депутата, что знакомится с престарелым электоратом.

Мы проходим в еле освещенное нечто, то ли комнату, то ли цех.

– Наливай на всех! – гаркнул дядечка с сигаретой и пустым стаканом. Сигарета не зажжена.

Картишки, все скромно. Вискарь бармен налил, отпил, выпил залпом, все ожидаемо. Не возьму только в толк. Пардон, а что мне должно тут понравиться? Хамоватые тетki, не первой свежести, да щетинистые на костюмах, по крою прошлого века. Того, что кричал про виски звали Батыр, и как я успел уследить, среди местных проныр он слыл заводилой. Туда вот налить, и тех вон послать. Распоряжался делами, и весь из себя деловой, но болтливый до одури. Весь постоянно подрагивает, как под чем-то. Смотрю на него, и вижу старый мульт-

фильм, из психоделических восьмидесятых. Слов ненужных насыпал, как азбукой Морзе. Костюмчик в полоску частую, сидит, не подкуривает. Рубашка у карт покраснела – блефует.

А справа сидела дама, чернее, чем жизнь моя, но не то чтобы пик, и не то чтобы афро. Просто бывают такие. Достоевский их называл «инфернальные женщины». Волосы – смоль, да платье чуть выше колена, вечно мертвенный, хладный, голубо-бледный взгляд. Имя умалчивает, но пока, и лишь от меня. Ничего-ничего...

Уоу! А слева у парня измена. Рубашка накалена докрасна, слилась с рубашками карт, поглядывает на Батыра, и имя ему Семен. Глазки бегают вечно, руки дергают дуновения ветра. Диагноз такой есть – отморозен на 360. Семка-холодок. Такой вот типаж: то ли урка, то ли нарко, то ли всем вашим наш, то ли всем нашим ваш. Не вписывается в коллективы субъект, зато фишек в его углу больше всех. Видит нутро насквозь, в том его суть. А нервы шалят – привет из Сургута, от братьев чеченских, Багира с Тимуром. Как сейчас картинка перед глазами: домик в лесу, стульчик, веревка «на мыле», стульчик выбили.

– Где деньги, *собака ты женского пола*!? Мы тебя здесь оставим кормить волков, иншалла!

С тех пор Сёмка точно знает, где прикупить, где промолчать, и что ты думаешь о нем прямо сейчас. Такая вот сверхспособность, такой вот «человек-ХЭ».

Мы с провожатым сели за барную стойку, поодаль от карт и красного абажура. Инфернальная женщина задымила, и губки сложила так мило. И да, ей всегда было мало всего и всех, потому на ее краю было всего три фишки. Эта та еле видная грань, что отделяла ее от сонных чаек, что ходили тут полуголые, подавая напитки. Может быть еще анемия, и крадущаяся эмфизема... но они давали нужный окрас, говорили: «Смотрите, аристократия! Гляньте, богема!»

– Флеш-рояль, господа. Было приятно иметь с вами дело. – Сема в ударе.

– Да сколько можно!? Да быть не может такого! У него уже третий раз флеш-рояль! – воскликнул Батыр. – Ты-то чего молчишь, Оксана? Ты ж не мойва, и все понимаешь.

– Нормально все, Бат, остынь. Не тебе же сегодня пешком на Московскую топать, и тем более на каблуках.

– Ой, и когда это мы пешком ходили? Только плачешься. Подцепишь опять дебила, и уедешь к нему на флэт. Хотя, может сегодня и день не твой, а может и год. Геринга кто-нибудь разбудил?

Последнюю фразу он обращал, мысленно взором ища, кого за нее зацепить. Чайки кружили вокруг с подносами, шмыгая носами, в поисках что сказать. Но бармен ответил:

– Нормально. Разбужен. Едет.

И только закончилась фраза, дверь чуть отворилась, чуть выпустив смога, запустив басы внутрь. Там стояла фигура, с осанкой и выправкой. В воздух влились пары гари и спирта.

– Салют, терпила. Сегодня настал тот день, когда кто-нибудь нас покинет, надеюсь, что навсегда.

На этих словах сидящие за столом оживились, насколько могли. Никто не повел себя настороженно, хотя даже у меня пробежал холодок по спине, а уж видывал я всякое. Это была угроза, явная и неприкрытая. Вечер переставал быть томным, так мне подумалось. А следом, как оно часто бывает, пришло осознание, что я никогда не бывал на «томных вечерах». Трэша и угара было достаточно, было много постыдного и угнетающего. Было много веселого, как шизанутый клоун, и печального, как его жена, получившая вместо алиментов клубничный торт в лицо. Но вот, чтобы томный вечер – не припомню. Вероятно, вся томность осталась с плакучими поэтессами, и суицидально настроенными поэтами, на душных и вальяжных вечерах начала прошлого столетия. Оживление среди присутствующих явно было, но оно носило иной характер. Чудилось, или взаправду, но они были искренне рады угрозам смерти, а их улыбки изображали умиротворение, с небольшой щепоткой расслабленности.

Карты были сброшены со стола полосатой рукой, сонные чайки испарились в поисках своих гнезд, где-то в подсобных помещениях. Геринг, неспешной костлявой походкой, проследовал к заготовленному стулу с бежевой обивкой. Запах проспиртованной кожи и застарелой гари тянулся за ним вязким шлейфом, перемешиваясь с папиросным дымом.

Так пахнет от кочегаров в старых котельных, что всю свою жизнь только и делали, что жгли и пили, все в саже и пыли. Но Геринг – он не похож на таких. Выправка слишком струнная, речь – слегка странная, чуть иноземная, но она добавляла мужчине аристократии. Он не производил впечатления, будто может послать кого-нибудь к сучьей матери старой собаки, как это принято в обиходе у кочегаров, когда они дома, в угаре, и руки так чешутся... и мысли... и мысли... то ли выпить, то ли повеситься. Нет, господа. Тут были ливреи, лакеи и рестораны. Матроны, мадамы, беседы о душевной эстетике, за чаем из гордых запасов Цейлона, что не рассыпают в пакетики.

Додумывание – враг мой. Действие началось. Бармен обновил, Батыр – захлебнул залпом.

– Господа-заседатели, обитатели душевных коробок – затеял высокопарно Геринг. – Сегодня настал тот знаменательный день, когда любой ублюдок, из здесь присутствующих, – он сделал паузу, оглядев игроков – может вернуться, так сказать, в лоно. Я принес вам занимательную вещичку, на которую мы все возлагаем большие надежды.

И тут он достал из потайной кобуры за ремнем револьвер системы «Наган», и видимо, очень старый. Видно, приглядевшись, по потертостям на рукояти и царапинам явным, на стреляном дуле. И как самурай, аккуратно и с уважением, возложил он его на зеленый игровой стол.

– Это он?! Это точно он? Ты не шутишь? – воскликнул Батыр, не решаясь, но очень желая коснуться.

– Будь уверен, мой друг. Ты надпись на рукояти прочти.

– «Майору НКВД, товарищу Семагину, за заслуги перед народом и партией». Эти ж твою! – на этих словах Батыр потерял дар речи.

Семка-холодок, схватился дрожащей рукой за влажные волосы, чуть дернул, будто проверяя, не спит ли он. Но нет. Он в сознании. Все в точку. Семагин, тот, из Англетера, удавка бессмертия. От этих мыслей подкашивались ноги, руки сами тянулись к стволу, но он вовремя осекся. Рано...

– Как мы это сделаем? – вступила в беседу Оксана. В ее глазах слезилось нетерпение, губы чуть подплясывали.

– Думается мне, что по-старинке: крутим пистоль на столе, на кого дуло укажет – кружит барабан, и к виску – Геринг говорил без вспышек. Он единственный, среди игроков, уже видел все вспышки, и ни раз их сам разжигал.

– А не скучновато ли будет, херы? – вставил свои пять копеек Семка. Ехидная улыбочка не слезала с его лица. Это нервное. Сам пошутил – сам подхихикнул, проглотил смешок, и черт с ним.

– А что ты предлагаешь, смехопанораму на фоне включить?

– Да не о том я... мрачнюк, какой-то. Я уже видел подобное в кино, выглядит тупо. Вот не хотелось бы выглядеть идиотом, тем более перед смертью.

Губки Оксаны ускорили свой забег, то за белоснежные зубки, то наружу, то будто пускали волну. Нетерпение...

– Что может быть глупого в столь возвышенном порыве, по своей воле отправиться в Вальхаллу? Вот сколько ты уже здесь маешься сверх срока? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят лет? А ты не думал...

– Господа, давайте уже начнем? – сказала робким голосом Оксана, но не была услышана.

– Не-не-не, подождите. Все должно быть обставлено правильно, не спорю, – ввязался в разговор Батыр. – Но вот не хочу, чтобы все было настолько по-немецки.

– Что ты имеешь ввиду?

– Я – татарин. Мне не с руки уходить в ваши Вальхаллы, Аиды, Мордор, или как вы их там зовете. Я вот вообще не верующий. Просто понимаю, то, что со мной происходит – противоестественно, и хочу это закончить. Полицай – не полицай, а цай-цай, и все отрицай. Так у нас в отряде говорили. Короче, меня не устраивает.

– Мужчины?

– Что значит «отрицай»? Это как понимать? Ты по миру бродишь уже почти сотню лет, а выглядишь на тридцать. Как ты можешь отрицать Вальхаллу и божественный промысел? Да и вообще, уходить по собственной воле – это честь и чистой воды искусство, и не только в Германии. Вспомним хоть римлян, или тех же самых японцев. Почитай Юкио Миси...

– Давайте начем уже, а?

– Книги на то и книги, чтобы обычное делать историческим, убогое – делать искусством. Сплошное самооправдание.

– Нет, давай все же вспомним Юкио Ми...

– Мужчины, хватит, я про-шу-вас – Оксана дрожала. Ее руки задвигались, как на пружинах. Она переминалась с ноги на ногу, как боксер на ринге, отчаянно ожидая ту решающую долю секунды для идеальной атаки. Она готова. Готова! Прямо сейчас! В этом раунде! Прямо тут упасть в нок-аут, выпустить последний пар из ноздрей в пыльный пол. – Я не могу уже! Дайте сделаем! Ну что вы за вурдалаки-то такие!?

– ...симу. В его повести «Патриотизм» все подробно описано. Все противоречия и терзания офицер оставляет за дверью, и все что у него есть – его честь и долг. И именно таким он и уходит в иной мир.

– Я же тебе говорю, это все книги. В реальности так не...

– Не могу я больше! Да пошли вы!

На этой фразе Оксана издала истошный крик, как в лучших классических скримерах, схватила наган, вставила дуло в еще визжащий рот, слегка провела по отверстию мокрым языком, и, в долю секунды, ее мозги разлетелись на стене за ее спиной. Несколько ошметков ее плоти долетело до бара, и приземлилось на стойку. И, конечно же, огромное спасибо ей за испорченные джинсы.

– ...бывает. – Батыр снизил свой темп и вытаращил глаза от неожиданности.

В комнате воцарилась гробовая тишина, и краски перешли в ч\б. Все присутствовавшие находились в крайне кинематографичном оцепенении. Я будто попал в стоп-кадр, но не мог прекратить ёрзать на стуле. Да-да-да... как всегда порчу искусство. Но, спустя несколько мгновений, динамика вернулась, мир расцвел, как мог, теми оттенками, которыми пришлось.

Геринг улыбнулся первым.

– Ну что, я думаю встретимся в следующем году? Может, удастся раскопать еще один патрон, у какого-нибудь коллекционера.

– Будем надеяться. Я по своим тоже поспрашиваю. Где-то они должны еще остаться, – ответил Батыр.

– Я слышал, в Будапеште есть один хер доктор, который коллекционирует маузеры, – Сема уже не мог ни вставить это излюбленное немецкое обращение, но Геринг снова пропустил шутку мимо ушей.

– Тогда, ауфидерзейн, дорогие мои упыри. Встретимся в следующем году, – сказал он. На том мужчине спешно пожали друг другу руки.

И тут пространство вновь наполнилось сонными официантками, но на этот раз без подносов с алкоголем. В их хрупких анорексичных ручках были молотки и большие гвозди. Все в рабочих робах, как с агитки завода «Красный путиловец». В секунду из под стола достали гроб на колесиках, ярко красного дерева. Было отчетливо видно старание мастера,

изготовившего сей скорбный саркофаг. Величавые металлические орлы, две блестящие молнии на крышке, литое обрамление. Стильно. Геринг не лег, он впрыгнул в гроб, и его тут же накрыли крышкой и заколотили ее гвоздями, по два по углам, и два в середине. Не успел я опомниться, как его уже подкатили к входной двери и упаковали в большой деревянный ящик с пенопластовым наполнителем и штампом «Верх здесь. Не кантовать. Антиквариат». Его подкатили к трем другим уже упакованным ящикам. Оксаны, как след простыл, только требуха ее по стенам, да на мне. Знакомец мой тоже куда-то испарился, и бьюсь об заклад, теперь я знаю куда.

– Распишитесь. С. Д. Э. К. Все оплачено.

Я машинально поставил закорючку на бланке. Не уверен, что свою. Краем глаза увидел пункт назначения «Будапешт». Все произошло так стремительно, больше ничего не уловил.

И вот, сижу, значит, на высоком барном стуле, слушаю басы из-за стены. Пытаюсь привести все произошедшее хоть к одному логическому знаменателю, за который не забирают в специализированные больницы. Алкоголь весь прихватили чайки, и упорхнули вдаль, оставив мне лишь то, что плескалось в стакане. Спустя пять минут самого длительного замешательства в моей жизни, в дверях появилась фигура бабули с ведром и шваброй. Напевая что-то себе под нос, абсолютно не в такт доносящейся музыке, она проследовала к месту, где у Оксаны снесло крышу. Прислушавшись к ее мычанию, я смог разобрать старый джингл из рекламы «mr. Proreg». У бабули был орлиный нос, и темные волосы, пробивающиеся через пыльную седину.

– Мил человек, не подскажешь, кто сегодня? – обратилась ко мне старушка. Я все еще находился в некотором оцепенении.

– В смысле? – я запаниковал, что она вызовет полицию, и меня обвинят в убийстве, или в доведении до самоубийства, или чего-то там. Еще пару висяков на меня повешают, и в долгий путь на севера. Мысленно, я уже был на лесоповале и «рубал хозяйские харчи». – Я только зашел, мать. Не в курсе о чем ты. А что случилось? – паника... паника... паника...

– Да ла-а-адно! Не в курсе он – она махнула рукой в мою сторону. – Это они тебя за синьку купили, что ли?

– Кто? Э-м-м. Что?

– Не томи тетю Розу, ей недолго осталось. Немчура поганый откинулся, да?

– Нет. Девушка, – ответил я нерешительно. – Оксана, как я понял.

– Да где ты там девушку увидел!? Прошмандэ она власовская, а не девушка! – крикнула бабуля, но тут же осеклась, плюнула, и ушла мыть кровавый пол, бурча себе под нос. – Ну, ничего, Розочка. Ничего. Будет и на нашей улице праздник. Ты сказала, что переживешь этого изверга, и у тебя таки нету другого выбора. Сколько боли? Сколько ужаса ты натерпелась? А Сенечка? А Яша? Ты пообещала, что умоешься кровью этого супостата. Кровью умоешься, так ты сказала, – она горько вздохнула, выжимая красную жижу в ведро. Вокруг пахло весенними цветами и скотобойней. – Ничего, Розочка... скоро уже...

Уступайте места беременным женщинам, пожилым людям, и пассажирам с детьми

Одним жарким июльским утром, Глафира Семеновна Воскресенская проснулась, как всегда с неопишуемым чувством тревоги, и ломоты в суставах от предстоящей ей суеты. Опять необъяснимо жгуче колело в груди, и отдавало куда-то под лопатку. В утренние часы, она по обыкновению переживала о том, что же случится с ее особыми закатанными баночками в летнем холодильнике под окном, если ее вдруг не станет на этом свете. Глафира Семеновна с таким трудом добывала компоненты, стояла в бесконечных очередях, впитывая негативную энергетику, заливалась астматическим кашлем каждый вечер, но все же, ей удавалось расфасовать все по баночкам. Она клеила на них маркировки в виде лейкопластыря с именами. Среди них были, в числе прочих, подписанные красной пастой баночки «Порфирий Иванович», которых было большинство. Они были вместительны, проверены временем, чему соответствовала советская цена на доньшке «3 коп.». Глафира Семеновна каждое утро, перед тем как покормить Мусю (кошку средней полосатости, но высокой степени жирности) и Васю (рыжеющую болонку без левого уха, со склочным характером), всегда просматривала свои баночки под окном, и вела им учет.

«Порфирий Иванович» – тридцать штук. «Зинаида Семеновна Рейх» – пятнадцать штук. Степан Губерман, юрист – три штуки. Степан, как мы можем предположить, исходя из познаний в арифметике за первый класс, был ей нужен менее всех, да и наружности был неприятной. Но, юридическое образование, полученное еще при Брежневе, делало его, в глазах старушки, специалистом высочайшей категории. Ему уже немного осталось, скоро уже... но никуда не денется, напишет еще ей завещание. Есть у бабушки пара способов убедить.

Только бы все успеть, только бы внучке передать, думалось ей. Но что ж она не приедет никак? То сессия, то отпуска какие-то выдумала, будто есть от чего отдыхать. За всю жизнь палец о палец не ударила, а уже на юга собралась. Кому я наследие передам? Ничего... приедет...

Затем, после ежедневного подсчета, она начала наваливать склизкую манную кашу, что наваривала специально на говяжьих костях для своих муси-пусек, попутно поглядывая на настенные часы «Чайка». Рядом с часами неизменно висела карта ленинградского метрополитена с обведенными на ней станциями, на которых она ранее осуществляла самые выигрышные пересадки. Та-ак, значит в семь утра тридцать первый троллейбус привозит меня на Лесную, надо доехать до «техноложки», там перепрыгну на московско-петроградскую ветку, и на север. Таким образом захватываем тех, что с восьми, проговорила она вслух. Потом с проспекта поеду на юг, переход на Гостиный двор, и до Площади Восстания, и снова на юг – это те, кто с девяти...

Она водила пальцами по схеме, будто дирижер ведет свой оркестр к финальной, самой черной, ноте. Будто полоумный диктатор, гоняющий своих адептов по распростертой перед ним площади, мысленно давя каждого пальцем. Это утреннее планирование не было для нее рутиной, это была ее ода жизни. Единственное, что заставляло ее вздрогнуть, это внушительная вмятина на стене у схемы, пробитая молотком. Чем дольше она здесь живет, тем глубже эта вмятина становится.

Утро было влажным, и слегка душным. Глафира Семеновна решила надеть поверх серого скатавшегося платья, что помнит еще те прекрасные танцы в колпинском клубе в 65-ом, теплую шерстяную кофточку. Запах этой самой кофточки был ее фирменным знаком, ее своеобразной визитной карточкой, и одновременно – самым коварным оружием. Старческий пот, отдающий могилой – это тот парфюм, которым будут пользоваться все. Тут уж ничего не попи-

пешь. Хорошо хоть сами чувствовать его не будут. Но это не отменяет того факта, что ты будешь наводить подсознательный, неосознанный ужас на окружающих. Это смерть. Смерть будет сидеть рядом с каждым повстречавшимся тебе.

– И вас это ждет. И вас. И вас – будет говорить твое амбре всем в радиусе метра.

Вот, что на высочайшей громкости транслировали обонятельные рупоры в 31-й троллейбус, идущий с Гражданки в сторону Петроградки, стоя в мертвейшей пробке в утреннем СПб, уже десять лет к ряду.

А люди что? Что они скажут? Люди склонны проявлять агрессию в сторону объекта своего страха, но выглядят они при этом, как пинчеры у подъезда. Тяф-тяф. Тяф-тяф... Им стыдно показать страх, но и в грязь лицом окунаться нет никакого желания. Этот-то эффект Глафиры Семеновны и нужен. Концентрированная ненависть, которой нет выхода – самая сочная, и самая жирная. Многие люди очень легко выходят из себя, дают возможности себя расшатать. Социальные рамки. Нормы приличия, необходимое уважение к старшим. Есть свод неписанных строгих правил и ограничений. И плевать, была ли ты потаскухой или монашкой, честной и доброй, или алчной и двуличной. После шестидесяти все спишется, все забудется, и ты автоматически становишься лицом неприкосновенным. Для всех, конечно, кроме таких же, как ты. Глафира знала и это, и была начеку. Она накинула на голову платок, и по-самурайски, выключив внутренний диалог, двинулась на поле боя.

На выходе из парадного ей встретила дочка школьной подруги, Танька.

– (И в детстве была, как глиста, и сейчас. Лосины она натянула, видите ли! С шавкой своей шляется плешивой, жопами обе виляют. Мужика себе ищет богатого, курва такая!)

– Здравствуйте, Глафира Семеновна. Ну, как вы поживаете? Как здоровье?

– Да, здравствуй, моя хорошая. Нормально здоровье, не жалуюсь. Ты-то как? Как детки твои?

– Ой, знаете, спасу от них нет. Сережка хулиганит в школе, меня даже к директору вызывали, представляете? Позор какой. Хотя, какой позор? Мальчишки, есть мальчишки, правильно? И вот, прихожу я к это директрисе, а она, значит такая... бла-бла... бла-бла-бла... бла-бла-бла-бла...

Глафира Семеновна не слушала. Просто кивала и мотала головой в такт беседы, а сама думала, что курвам так и надо по жизни мучиться. Не зря ж ее мужик бросил. По углам, поди, с кем попало сапог морщила, а сейчас вон, жалуется. Ишь, какая выискалась. Профурсетистая все-таки молодежь пошла. То с одним, то с другим, то наркотики, то музыка это долбежная с утра до ночи, покою нет.

Интонационно поняв, что монолог движется к концу, она сказала что-то вроде «храни тебя бог, деточка», и незамедлительно двинулась в сторону остановки, стараясь совершать как можно больше движений руками. Добротный пот – половина успеха.

Троллейбус пришел точно по расписанию. Глафира Семеновна дождалась на тротуаре именно того момента, когда народ перестал беспрепятственно проходить в узкие двери, и только тогда начала протискиваться в самую гущу, аккуратно расталкивая и лысого мужичка лет сорока, и студентку, что уже и так вжало в поручень, навалившимися на нее потными телами. Старушка двигалась по проходу как можно медленней, останавливая взгляд то на молодом человеке, что в наушниках слушал гитарное соло, то на тетке, хабалисткой внешности, в бежевой мятой юбке. Большая часть сидячих пассажиров прикрывала глаза с ее приближением, притворяясь спящими. Отчасти, это было правдой. При работе «пять на два», дни сменяют друг друга в постоянном круговороте стресса и отчаяния, и если у тебя есть двадцать минут на то, чтобы посидеть и подумать о своем – это успех... это добыча, которой ты не хочешь делиться ни с кем. А тут, по громкоговорителю тебе каждое утро твердят: «Уступайте места... старость достойна уважения».

Наша бывалая Глафира Семеновна несколько минут побродила по салону, тактично и не очень, расталкивая повисших на поручнях, пока кто-то из старых работяг не пристыдил молодого парня в наушниках: «Уступи, рожа наглая!» Что примечательно, сам работяга даже и не думал поднять свою задницу. Есть такой хитровыдуманный типаж человека. Не уверен, есть ли необходимый термин в социологии, потому будем называть его просто мудаком.

Бабушка села. Бабушка улыбнулась на сонного паренька. Вот и первая доза подавленной агрессии. Она взирала на него с навязчивой пристальностью, отчего уши его покраснели, а взгляд не знал, куда деться. Ну, нет, ребяташки. Это как-то хило. Так думалось ей. Глафира Семеновна не растерялась, и показала парню свой синюшный слюнявый язык. Эту дразнилку она выучила в старой доброй советской школе, будучи примерным пионером. Пионерам было не положено ругаться матом, потому исхитрялись как могли. Но это отлично сработало и сейчас. Вместе с ушами, у паренька начали багроветь и щеки. Он уже был готов сорваться с этой наглости, наорать что-то вроде: «Да ты совсем страх потеряла, карга старая!» Но в этот момент она сделала то, чего он совсем не ожидал, и в один миг вся злость куда-то улетучилась. Она чуть слышно чавкнула ему в лицо, будто котлету скушала.

– *Чавк*

Нет, парню не стало легче. Просто он вдруг устал. Сразу же. Стоя на одном месте. Он слишком устал для внезапного всплеска агрессии в общественном транспорте. Сейчас он на старуху накричит, кто-то из пассажиров за нее впишется, ругайся еще и с ними, морды бей. Кому это надо? Зачем? Лучше отвернуться в окно, спокойно мечтать о стаканчике кофе из вендинга на первом этаже. Ноги ватные, веки – тяжелые. Наверное, нужно больше спать. А старуха? Что старуха? Ей недолго еще осталось по земле бултыхаться, вот ее наказание.

Глафира Семеновна сидела довольная-предовольная. Даже румянец на щеках появился. Но всё-таки, чего-то не хватало. Она начала ёрзать на кресле, якобы, поправляя платье на сморщенных бедрах. На самом же деле, ее привлекла пухленькая гражданка с соседнего сидения, и старушка не могла упустить возможность невзначай потыкать в нее острым локтем. Пышная девушка долго терпела, но потом всё же вперила свой испепеляющий взгляд в старушку, видимо ожидая увидеть в глазах привычный страх, перед ее крупной персоной. Она не ведала, что творила, это уж точно. В ответ на визуальное испепеление, она получила истинно буддистское выражение лица Глафиры Семеновны. Глаза ее были влажными, полными умиротворения, вперемишку с безмолвным вызовом: «Ну, что ты мне сделаешь, профурсень толстая? А? Что? Ну! Ну! Давай же, смелее!» Вот, что рычалось в голове у старушки, и взгляд ее крайне точно передавал этот посыл.

– Остановка – Станция метро Лесная.

– О, это моя. Позвольте, милочка – сказала Глафира, только начинавшей открывать, рот пухлой гражданке, и тут же, с притворным кряхтением, стала пробираться к выходу, стараясь отдавить как можно больше ног.

У пухлой гражданки случился ступор. Слюна только-только начала собираться, желчь только-только подступила к горлу, и уже была готова изрыгнуться отменнейшими ругательствами, что передавались в ее роду из поколения в поколение, от матери к дочери... из поликлиники в поликлинику. И, на тебе! Карга лишила единственной отдушины.

«Как же могилой пахнет», – подумала гражданка, отстраняя лицо от скатавшейся кофточки, что проплывало мимо.

– Эй, аккуратней, ну! – крикнул мужчина, уже у входа. Старушка, будто случайно, но с таким усилием наступила ему прямо на кончик новых лакированных туфель. Глафира ничего не ответила. Просто спустилась по ступеням, с довольной ухмылочкой и розовым румянцем на щеках. Как только ноги ее коснулись земли, она танцевальным движением обернулась в еще открытые двери.

– *Чавк* – щелкнула она, посмотрев на кричавшего ей мужчину у входа. Колени его слегка подкосились, но он удержал равновесие.

– *Чавк-чавк* – щелкнула она вглубь салона, в сторону пухлой гражданки, что вмиг закатила глаза и покрылась крупной жирной испариной.

– С вами все хорошо? Может... – сказал мужчина с соседнего от гражданки кресла, но продолжения Глафира не услышала, ведь троллейбус закрыл свои двери, и двинулся в сторону новых шведских кварталов.

«А сегодня очень даже неплохо», – подумалось старушке, пока она порхала в сторону метро. Походка стала неизъяснимо легкой и воздушной, как в студенческие годы, когда цветущая акация шептала о ее красоте, всем проходящим мимо мужчинам.

В вестибюле было прохладно и пахло свежим ремонтом, что крайне раздосадовало Глафиру Семеновну. При ее роде деятельности, именно привычный советскому человеку мрак, сырость и облупившаяся штукатурка, – необходимая атмосфера. Это как для хирурга чистая операционная. Но, «бодрость духа, если че, это наш диагноз», а раздражать недоносков – это призвание милой нашему сердцу пенсионерки. Для начала, она заняла очередь к автомату для пополнения БСК. В очередях, причем при любых дизайнерских решениях по интерьеру, жизнь ощущается утекающей, как пот в подмышки, а тут еще старушечьи ножки впереди еле двигаются. Стратегия психологического изнурения, проверенная годами. Нет, поймите верно. Всяческие проявления старости – это обыденность. Все такими будем. Да и люди в Ленинграде понимающие и снобистски терпеливые, но не будем забывать, что сейчас мы имеем дело с профессионалом.

Сначала она ткнула в экран, и переключила язык на немецкий. И тут, началось внимательнейшее чтение, которое без очков, конечно же, не осуществить. 20-й шрифт на экране – это очень мелко. Она эти очки искала-искала, пыталась и вспоминала боженьку. Затем всё же нашла. Насколько это было возможно медленно, она протерла очки носовым платком, и уместила их на переносицу. Уж как старушка этот немецкий читала и читала, изучала и разглядывала... о-о-о... это искусство. Очередь за ее спиной начала ломаться под издевательским психологическим давлением. Кому нужно на работу, кому – на учебу, а тут – бабушка решила вспомнить детство, думая, что 5 слов выученных в возрасте шести лет, дают ей уровень языка intermediate.

Первым сломался мужчина с кожаным кейсом, в рубашке с затершимся воротом. Сначала он начал громко вздыхать, так что слышно было даже в конце очереди. Бабушка сделала свой ход незамедлительно, как бывалый шахматный гроссмейстер. Язык на табло терминала стал итальянским. Она стояла и смотрела на табло терминала, сама удивляясь своей изобретательности.

– Может вам помочь? – максимально сдержанным тоном произнес мужской голос у ее правого уха.

– Себе помоги, – отрезала Глафира Семеновна, с такой выверенной интонацией, которой не хватает выпускникам Щукинского училища. – Ишь, выискался, рыцарь. Мальчик, я сама знаю как мне, и что делать. Учить он меня вздумал. Да я целину поднимала, пока ты пешком под стол ходил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.